

18+

Сергей Пилатов

СЕРЁГА

Или... мальчик, юноша, мужчина
в последние годы советской эпохи

Книга пятая

ЛЕНИНГРАД

Сергей Пилатов

**Серёга. Или... мальчик, юноша,
мужчина в последние годы
советской эпохи. Книга пятая**

«Издательские решения»

Пилатов С.

Серёга. Или... мальчик, юноша, мужчина в последние годы советской эпохи. Книга пятая / С. Пилатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644325-9

Данная книга «Серёга» является частью гексологии о мальчике, который родился в конце пятидесятих годов прошлого века в СССР, дожил до начала 1990-х, когда СССР не стало, и живёт до сих пор, пройдя через все смутные и непростые времена. В пятой книге говорится о том, как юноша вернулся из армии и судьба занесла его работать в организацию, к которой он относился с пренебрежением. Как ему работалось в комсомоле и как он наслаждался борьбой за перестройку.

ISBN 978-5-00-644325-9

© Пилатов С.
© Издательские решения

Содержание

В поисках смысла	6
Часть первая.	7
Куда пойти работать?	7
Красный дом на Невском	9
Комсомольский «пахан»	14
Авторитет начальника зависит от желудка работников	16
Что главное в работе? Безусловно, хорошо организованный отдых!	18
«Комсомолыцы-добровольцы» – ударники труда!	21
Встреча с Надеждой,	24
Смены не будет! Нам бы ночь продержаться да день простоять...	25
Часть вторая.	27
Чем же занимаются в райкоме?	27
Если ты работаешь с творческими людьми, надо понимать, что это они с тобой работают	29
Конец эпохи застоя...	33
О пользе комсомольских собраний,	35
Дело комсомольцев-артистов выступать, а не взносы собирать	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Серёга Или... мальчик, юноша, мужчина в последние годы советской эпохи. Книга пятая

Сергей Пилатов

Благодарю за содействие в создании книги «Серёга»

Пилатову Ольгу Ивановну,

Кангур Марину Анатольевну,

Пилатову Наталью Сергеевну,

Белову Надежду Леонидовну,

Агапитову Светлану Юрьевну,

Тамару и Володю Максимовых

Игоря Ростиславовича Янковского

Редактор Ольга Ивановна Пилатова

© Сергей Пилатов, 2025

ISBN 978-5-0064-4325-9 (т. 5)

ISBN 978-5-0060-8777-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В поисках смысла

Если Вы зовёте вперёд, то непременно указывайте направление, куда именно вперёд.

А. П. Чехов. Записные книжки

Эту книгу я бы назвал «В поисках смысла...». Серёга относился к организации под названием Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи, сокращённо – ВЛКСМ, со смешанным чувством неприятия и осторожности. Первое столкновение с освобождёнными сотрудниками состоялось ещё в институте, где наивный студент Серёга пытался активничать на этой ниве, считая, что комсомол – это организация, защищающая интересы молодых людей. Эксперимент был не совсем удачный, и Серёга с небольшим скандалом торжественно покинул эту организацию, вступив в ряды КПСС.

Кто мог бы ожидать, что судьба так безрассудно распорядится и восемь лет своей жизни Серёга посвятит работе именно в той организации, к которой относился со смешанным чувством неприятия, недоверия, осторожности и некоторой брезгливости. Как, впрочем, к ней относилась и большая часть молодёжи. И какой СМЫСЛ работать в такой организации? Но, может быть, Серёга просто оказался в нужное время в нужном месте? Решил изучить её изнутри и развалить?

Почти невозможная задача – развеять распространённые мифы об этой организации, о тех, кто руководил ею, кто работал в ней, чтобы сохранить объективность и искренность. Но, видимо, в этом и есть моя не очень простая миссия. Верить или не верить в то, что описано в этой книге, как, впрочем, и всем историям в других книгах, дело добровольное и самостоятельное. Многие герои этой книги живы, кто-то занимает высокие посты, но не ожидайте в этих историях настоящих имён, а тем более фамилий. Будем считать, что все имена – вымышленные, как и имя главного персонажа.

Часть первая.

В поисках работы

Куда пойти работать?

После службы в Советской армии надо отдыхать, хорошо бы несколько месяцев. Лёжа на диване, выпивая, привыкая к обычной одежде, гуляя, адаптироваться к гражданской жизни, включая личную, почти забытую, и не думать ни о каких проблемах. Но отдыхать за счёт своей мамы, которая должна была ещё вывести в жизнь любимого младшего сына Николая, а тем более за счёт пенсии бабушки, Серёге не очень хотелось и казалось неприличным. Николай заканчивал обучение в школе, и его надо было кормить и одевать, так как донашивать немодные шмотки за старшими братьями ему не очень хотелось.

У большинства молодых людей в Стране Советов всегда вставал вопрос: куда пойти работать, если все свои долги стране ты уже отдал (отработал по распределению, отслужил в армии), а то, что казалось призванием, оказалось миражом, и совета спросить не у кого.

То, что он никакой не режиссёр, а тем более не актёр, Серёга понял после своих поисков славы в Суоярви на юге Карелии. Журналистом можно было стать только по причине умения печатать на печатной машинке, но этого очевидно было недостаточно с учётом стабильной тройки по русскому языку. Грамотность хромала. Можно было пойти работать на радио диктором, где был бы востребован его красивый баритон, но читать чужие тексты ему казалось скучным. Можно было бы пойти работать директором музея... Но где же найти такой небольшой музей, где Серёга был бы так же свободен в выборе средств достижения цели, как в музее Боевой славы дивизии в Кривом Роге?

Серёга даже представить себе не мог, на что он способен. Это оказалось сложнее, чем выбрать институт для поступления. Была ещё одна возможность – подать заявку на так называемую биржу труда, каковым тогда являлся МДСТ (Межведомственный Дом самодеятельного творчества). Вспомним, что с этой организацией Серёга уже знакомился, когда добивался права работать художественным руководителем клуба «Юность», будучи студентом. Видимо, так и следовало бы поступить – пусть предложат какой-нибудь кружок в ДК или должность директора в заводском клубе. Но что-то внутри Серёги сопротивлялось, и визит в МДСТ он постоянно откладывал. Глядя со стороны, я бы сказал, что этому способствовали: во-первых, амбиции: он же уже офицер, бывший директор музея на майорской должности, что было хоть и правдой, но какой-то уже далёкой, а во-вторых, печальный опыт работы в провинциальном Доме культуры в Суоярви.

В родной институт Серёга тоже не хотел идти. Он испытывал стыд, предав всех тех, кто желал ему добра, предлагая аспирантуру и разные другие должности. Ведь он даже не смог приехать, когда надо было дать согласие увековечить свою фамилию на почётной мраморной доске лучших выпускников. А как ему приехать, если в армии служил? Так что прийти в институт он мог только тогда, когда от института ему ничего не надо будет. Стыдно ему было за свою совершенную глупость.

В этот критический момент помощь пришла традиционно от мамы. Казалось бы, особо не занимаясь ежедневным воспитанием Серёги по причине наличия ещё двух сыновей и огромного количества любимых воспитанников в школе, свой родительский долг она исполняла точно и в самый нужный и ответственный момент. Мама никого из сыновей не выделяла в своей привязанности и оказании содействия, но после того, как Серёга пошёл по пути твор-

ческого развития, в том числе и в получении образования, чувствовала большую ответственность и, что важно, большой интерес. Ведь это она водила своего среднего сыночка по театрам и помогала ему найти замечательного преподавателя по художественному чтению, благодаря чему он поступил в институт.

Наблюдая за страданиями Серёги, она тоже немного страдала и, видимо, стремилась приложить определённые усилия, чтобы оказать содействие в поиске интересной работы для сына. В советские времена знакомства играли значительно большую роль, чем деньги. А когда они, знакомства, не имели значения? «Ну как не порадеть родному человечку!» – восклицал Фамусов в бессмертной комедии Александра Грибоедова «Горе от ума» ещё в далёком XIX веке. Если у тебя брат, племянник, ученик, учительница, друг, друг друга, в конце концов, мама ученицы свояченицы друга... Найти необходимый контакт оказывается не так сложно. Серёга не очень умел пользоваться своими связями, да и связей у него не было. Почти все однокурсники разъехались по разным городам.

Мама Серёги никогда не злоупотребляла тем, что у кого-то из её учеников были влиятельные родители, которые испытывали благодарность к ней как к замечательному преподавателю своих чад. Напомню, что школа, где преподавала мама, была специализированной, с углубленным изучением испанского языка, и учились там не только те, кто жил рядом со школой. Она сказала Серёге, что ему надо сходить к маме одной из своих учениц, очень хорошей женщине, которая работала заведующей отделом культуры популярной газеты «Смена».

В газету «Смена» Серёга в школьные годы посылал свои стихи, которые, как положено, назывались хорошими, но недоработанными, а потому не публиковались.

С важной женщиной Серёга встретился у неё дома. Его поразила, казалось бы, небольшая, но двухэтажная квартира. Он таких никогда не видел, а потому, общаясь, всё время разглядывал лестницу, ведущую куда-то наверх. Заведующая отделом культуры молодежной газеты оказалась действительно очень хорошей женщиной – миловидная, небольшого роста, с открытым и добрым лицом, располагающим к откровениям и доверию. Модные очки придавали её лицу немного важности, что в целом никак не сказывалось на доброжелательном общении за чашечкой чая.

Выслушав непродолжительное повествование о невнятном жизненном пути Серёги, она сделала совершенно неожиданное предложение. Но это не было предложением работать в газете «Смена» или в театре, музее, ещё в каком-нибудь учреждении культуры, которые она, как зав. отделом культуры молодежной газеты, безусловно, знала очень хорошо. Ничего из этого перечня не было представлено, а было предложение, от которого Серёга должен был мгновенно отказаться. Она предложила ему сходить на приём к первому секретарю Куйбышевского райкома комсомола, так как там вроде бы есть место инструктора организационного отдела по творческим организациям. Заметив огромную печаль в голубых глазах Серёги, она подчеркнула, что этими творческими организациями называются все театры, музеи, библиотеки и прочее, прочее... А Куйбышевский район – центральный городской район, где в основном и сосредоточено всё это добро.

Идти работать в комсомол Серёге не то что не хотелось, а было противопоказано после известных нам историй в институте. Когда он пытался понять, почему в комсомоле так много бюрократов и карьеристов, рассматривая и слушая визитёров-инструкторов из райкома на различных собраниях, он был уверен, что виновниками являются именно эти персонажи. Становиться одним из таких персонажей ему не хотелось совсем.

Но, с другой стороны, быть рядом с творческими организациями: театрами, музеями, библиотеками, соответственно – с артистами, музыкантами, певицами, хотелось очень. Так, взвешивая и оценивая свои сомнения на фоне отсутствия иных перспектив трудоустройства, Серёга решил рискнуть и сходить.

Красный дом на Невском

Есть на углу Невского проспекта и набережной реки Фонтанки прямо напротив известного нам уже Дворца пионеров (Аничков дворец), где Серёга постигал профессию артиста в Театре юношеского творчества, необычайно красивый дом красного цвета в стиле русского неobarocko. Этот памятник архитектуры всегда нравился Серёге, и он даже знал имя и фамилию архитектора – Андрей Иванович Штакеншнейдер. Андрей Иванович очень любил красный цвет, хотя самым известным его творением был Мариинский дворец совсем не красного цвета, где в настоящее время находится Законодательное собрание, и бело-розовый Николаевский дворец, известный как Дворец труда.

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

Дом на Невском проспекте был известен как дворец Белосельских-Белозерских, в котором с 1920 года располагался районный комитет Коммунистической партии. Внутренние интерьеры дворца были настолько шикарны, что Серёга всегда испытывал чувство неловкости оттого, что эти интерьеры используются не совсем по назначению. Впрочем, эту неловкость испытывал не только Серёга, и после 1991 года дворец был передан Управлению культуры, в нём был размещён Петербургский культурный центр. В начале XXI века были отреставрированы и стали использоваться по назначению исторические помещения: Дубовый зал (малый концертный зал), Картинная галерея, Парадная столовая, Бежевая, Зелёная и Малиновая гостиные, Зеркальный (балльный) зал с прекрасной акустикой. Сейчас любой человек может побывать в этом шикарном дворце, где постоянно проводятся экскурсии по залам и проходят самые разнообразные мероприятия: концерты классической, джазовой и современной музыки, встречи с артистами и театральные фестивали.

У дворца Белосельских-Белозерских было два входа. Один, который ближе к набережной реки Фонтанки, был главным. Именно там висела табличка «Районный комитет КПСС» и именно там были все сокровища этого легендарного здания. Его «охраняли» два полуголых бородатых атланта. Они выглядели постарше атлантов у ступеней Эрмитажа, к которым надо было приходить, «когда на сердце тяжесть и холодно в груди», как писал в своей великой песне Александр Городницкий. Ещё два бородатых атланта охраняли тяжёлые дубовые двери второго входа в здание, и именно за этими дверями находился райком комсомола.

Открыв тяжёлую дубовую дверь, надо было подняться на второй этаж по простой, а не парадной, как в соседнем подъезде, лестнице.

Кстати, на третьем этаже располагался районный отдел Комитета государственной безопасности, так что сотрудникам райкома, желающим поймать иностранных шпионов, не надо было далеко бегать – просто подняться этажом выше и поделиться...

Открыв дверь на втором этаже, человек сразу попадал в длинный и узкий коридор. Он уходил куда-то вдаль, где делал поворот направо и заканчивался неизвестно где. Слева окна, выходящие во двор, справа – кабинеты. В первом и очень большом кабинете сидели и суетились молоденькие симпатичные девочки. Они возились с какими-то бумагами, перекладывая их с одного места на другое, бегали, перешёпывались. Это был сектор учёта. Там находились учётные карточки всех многочисленных комсомольцев района. Учётные карточки Серёгу интересовали значительно меньше, чем девочки, которые с ними работали. И это впечатление от будущего места работы очень вдохновило холостого и озабоченного после армейского воздержания Серёгу.

Далее справа располагалась приёмная. В приёмной сидела красивая высокая черноволосая девушка со взглядом, пронизывающим с ног до головы всякого входящего. Серёга не был исключением. Правда, и он рассматривал красавицу, насколько это было возможно. Девушку звали Ирина.

– Могу ли я переговорить с Надеждой? – спросил Серёга, будучи уверенным, что о его визите все должны были быть проинформированы.

Но черноволосая красавица разочаровала Серёгу, сообщив, что Надежда – самая главная начальница в этих коридорах, которая по должности именовалась первым секретарём райкома комсомола, находилась в заслуженном отпуске.

– Вас примет Александр, наш второй секретарь, – улыбнулась красавица и показала на соседнюю дверь.

О ВРЕМЕНИ

*Надо объяснить молодому поколению, не разбирающемуся в комсомольской и партийной иерархии тех времен, что слово «секретарь» означало не технического сотрудника типа секретаря-машинистки или помощника, а что ни на есть самую главную должность. Были ещё и вторые, и третьи секретари. Почему самых главных начальников в комсомоле и в партии обзывали именем технических служащих, включая самого главного начальника в СССР – Генерального секретаря ЦК КПСС, Серёга догадывался, но особо не задумывался, привык. А девушку, сидящую в приёмной, он всегда иронично называл секретарём секретаря. На самом деле это слово происходит от латинского слова *secretarius* – «доверенное, должностное лицо, чиновник». То, что эти доверенные лица коллективного органа власти (ЦК, обком, горком, райком) становились главными, было особенностью коммунистической системы, но органично всеми воспринималось, и, возможно, кроме Серёги, никто об этом и не задумывался.*

Секретарь Александр принял Серёгу недружелюбно. Худощавый, стесняющийся своей лёгкой лысоватости, уже немолодой, как показалось Серёге, для комсомольского возраста человек, но с комсомольским значком на лацкане пиджака, пристально разглядывал Серёгу несколько мутными глазами, и в этом холодном взоре закомплексованного комсомольского бюрократа сквозила неприязнь к чужакам. Уходя в отпуск, его начальница Надежда обмолвилась, что придёт очень интересный молодой человек и надо бы его взять на работу, но этой рекомендации Александру было недостаточно. Откуда явился этот смазливый юноша, небрежно одетый и без внятной рекомендации? Не слишком ли хороша его анкета: служба в армии, диплом профильного вуза с отличием, член единственной партии!

Очень серьёзные сомнения поедали бюрократическую душу секретаря Александра. Чужак со слишком хорошей биографией (анкетой) – это плохо. С другой стороны, а если узнают, что он не взял на работу человека со слишком хорошей анкетой? Может не поздоровиться. И, вообще, не случайно же он пришёл на заведомо свободное место? Значит, у него была информация, а следовательно, кто-то ему дал её, а вдруг тот, кто дал ему эту информацию, важный человек...

Нормальному человеку трудно представить тяжёлые сомнения Александра. Он размышлял, слегка поддерживая беседу вопросами о семейном положении Серёги. И вдруг его осенило:

– Серёга (конечно, он обратился иначе, но в нашей книге принято именно так именовать героя), мы не можем вас взять на работу, так как у вас нет опыта комсомольской освободённой деятельности.

– И что? – Серёга понял, что он не туда попал, и уже приподнялся со стула.

– Нам сейчас нужна ваша помощь! – Александр поморщился, но намеренно делал акцент на уважительном обращении ВЫ. – Вы можете отказаться, но мы предлагаем вам испытание. У вас такая биография, что вы обязательно справитесь с задачей. Вы должны в качестве комиссара поехать в совхоз, где работает наш ударный сельхозотряд. Это очень важно! Если вы добьётесь там больших успехов, повысите производительность труда, наладите работу с руководством совхоза, чтобы они перестали жаловаться (как можно жаловаться на передовой отряд?), то мы готовы будем рассмотреть вопрос о вашем трудоустройстве.

– И куда ехать?... – печально произнёс Серёга, понимая, что в данный конкретный момент он должен согласиться.

– А вам всё расскажут в организационном отделе. – Александр вздохнул облегчённо, понимая, что никогда этот смазливый юноша больше не вернётся в его кабинет.

Не понравился Серёге этот лысоватый секретарь, говорящий штампами. С первого взгляда не понравился. Впрочем, ему никогда и не нравились комсомольские освобождённые работники, тем более руководящие. Именно в них он видел всё зло – формализм, заорганизованность, отсутствие души, творчества, свободы.

Серёга решил рискнуть. Первое – поехать комиссаром в совхоз, а затем доказать этим комсомольским сволочам, что комсомол – молодёжная организация, где формализм – главный враг. При этом внутренне опасался, что и он через некоторое время может стать таким. Или минует его чаша сия...

Организационный отдел находился рядом с приёмной, если идти по коридору вперёд. В комнате было шесть столов. За ними сидели четыре молодых человека. Серёге они показались пижонами, скорее всего, по причине их модного прикида. Но это было первое и, не исключено, ошибочное впечатление. Ещё за одним столом сидела девушка, которая показалась Серёге очень взрослой. Один стол был свободен. К товарищам комсомольцам, которые занимали пять столов, мы вернёмся позднее.

Слухи по райкому распространялись быстро, и товарищи догадывались, что вошедший юноша и есть тот самый претендент на шестой стол.

Серёга поведал всем собравшимся о разговоре с Александром. После минутной паузы работников охватило не очень объяснимое чувство веселья.

– Прямо так и сказал? Ударный сельхозотряд?

Весёлые пижонистые работники рассказали ему правду. Во-первых, этот отряд был никакой не передовой, а скорее наоборот. Во-вторых, в этом отряде оказались самые неадекватные «комсомолыцы», которых насильно туда заслало руководство по разнарядке, так как не знало, как иначе от них избавиться. В-третьих, там настолько не организован быт, что самые лучшие люди не выдерживают и бегут оттуда, а руководство совхоза каждый день звонит в райком с жалобами и угрозами.

О ВРЕМЕНИ

Надо объяснить молодому поколению, не знающему слова «разнарядка», что в то время совхозы очень любили просить помощи у города. Не очень понятно, зачем нужна была эта помощь, почему совхозы не справлялись с урожаями... Сейчас тем более сложно это понять, но тогда лучше воспринять как данность – совхозы требовали рабочую силу, считая, что только совхозники занимаются настоящим делом. А так как существовала единственная партия, реализовать эти требования было несложно – спускались разнарядки (количество людей, которых необходимо отправить) на все организации через комсомол. Получалось красиво – добровольцы-комсомольцы с согласия руководства спасали советских граждан от неминуемой голодной смерти...

Серёга никогда не признается, что испугался. Он уже ставил спектакль в городе, где не было ни театра, ни артистов. Он отдал полгода армейской кадре, он возродил музей дивизии, будучи солдатом... Но это комсомольское задание было другим – не совсем по специальности. Он попросил, чтобы ему выдали мандат комиссара и назначили сотрудника, который мог бы вместе с ним в первый день съездить в «прославленный» отряд.

Условия были выполнены, и Серёга вместе с белобрысым инструктором Мишей – импозантным красавцем, стильно и со вкусом одетым, поехали в деревню на инспекцию работы сельхозотряда. Дорога под дождём в неизвестность

Дорога от электрички до места дислокации отряда была долгой. У Серёги с собой была небольшая и не очень тяжёлая сумка с вещами, Миша шёл с маленьким портфелем. Они шли и болтали ни о чём, хотя Серёге хотелось узнать побольше о своей предстоящей работе в райкоме. Всё-таки инструктор Миша уже около года чем-то занимался в этом красном красивом здании архитектора Штакеншнейдера на Невском проспекте. Но инструктор Миша то ли не хотел ни о чём рассказывать, то ли просто было не о чем, поэтому, кроме информации о том, что он ведёт группу медицинских и административных организаций, ничего не выдал. Говорил он в основном о женщинах и рассказывал интеллигентные анекдоты, в коих Серёга очень нуждался, так как откровенно устал от армейских.

За этим занятием они не заметили, как огромные чёрные тучи неожиданно закрыли всё небо, стало темно, как будто кто-то в небе выключил свет, и несколько капель упало им на голову. А затем поток воды обрушился на них, чуть не прижав к земле. Ливень был такой силы, что не спасли бы даже зонты, которых у наших героев не было, так как с утра светило солнце на безоблачном небе. Инструктор Миша стал так откровенно по-армейски ругаться, будто только что сменил армейскую форму на свой стильный и, судя по ругани, дорогой костюм. Серёга был более сдержан в эмоциях – видимо, жизнь приучила к неожиданностям.

Но Мишина ругань не помогала, почти ураганный ветер уносил её куда-то в сторону отряда. А укрыться в чистом поле, чтобы переждать ливень, было просто невозможно.

– Приключения начались! – крикнул авантюрист Серёга и пошел вперёд, прикрывая голову своей сумкой. – Вон вдалеке дома, надо дойти!

Дома видел только Серёга. Но и инструктору Мише надоело ругаться. Он снял свою дорожную куртку и, накрывшись ею, тоже пошел.

Насквозь мокрые и обессиленные от сопротивления ветру, они добрались до барачных ориентировочно к 14.00, когда дождь прекратился. Редкие трезвые бойцы подсказали им, где можно привести себя в порядок. Инструктор Миша разложил некоторые свои вещи сушиться. Серёге было легче. Он ехал не на один день и смог переодеться во что-то относительно сухое, потому как и сумка с одеждой тоже промокла.

– А где найти вашего командира Николая? – спрашивал Миша более-менее трезвых бойцов.

– А хрен его знает. Он нам не докладывает. Может, в город уехал, может, к местному начальству пошёл.

Два героя также выдвинулись к начальству, то есть в правление совхоза. Директор совхоза Юрий Николаевич оказался типичным представителем советского крестьянства – невысокого роста 40-летний мужчина, простое круглое загорелое лицо с традиционными залысинами, волевой взгляд, натруженные мускулистые руки, энергичный и несколько дёрганый. Юрий Николаевич куда-то спешил, но успел выслушать Мишу, который представил ему нового комиссара Серёгу.

– Забирайте свою пьяную банду обратно вместе с Николаем Васильевичем. Толку от них никакого! – грубо отрезал Юрий Николаевич и побежал по своим делам.

Вернувшись в лагерь, Миша с Серёгой увидели ещё более удручающую картину: бродившие по территории бойцы напоминали голодных зомби, они пошатывались и не видели цели

своего хождения по территории. В помещении, которое им показали как столовую, на столах стояли грязные тарелки с остатками непонятных блюд, которые очень нравились полчищу мух. За несколькими столами сидели бойцы и пили водку с пивом, закусывая тем, что, видимо, насобирали на огородах у соседей, которым очень не повезло с соседством – «пьяной бандой», вернее, с сельхозотрядом.

Миша ещё раз поинтересовался у некоторых трезвых бойцов наличием командира Николая Васильевича, но ответ был традиционен. Некоторые шутники говорили, что он вообще здесь нечасто бывает.

– Вы чего? Новенькие? Поздравляем! – сказал им с ухмылкой один бородатый боец. – Попали. Куда только смотрит райком.

Миша и Серёга решили скрыть на время информацию, откуда они приехали.

– Слушай, Серёга. Это же катастрофа. Здесь же сплошное пьянство. Никто не работает. Давай уедем вместе и скажем, что здесь ничего невозможно сделать и отзовём это сборище обратно в Ленинград, – убеждал Серёгу инструктор Миша. Он был в курсе проблем, которые имеются в этом отряде, но то, что командир Николай Васильевич, с которым, очевидно, подерживалась какая-то связь по телефону, окажется главным организатором всех процессов, было шоком.

– Михаил, это невозможно. Как я понял, отряд молодой и особо нагадить в совхозе ещё не успел. Значит, есть шанс. Мне, конечно, не очень хочется работать в комсомоле, но не работать по причине неспособности как-то будет неправильно. Согласись.

– Что будешь делать?

– В первую очередь давай отправим вашего Николая Васильевича обратно в «Мебель-торг». А дальше – разберёмся.

– Ну коли Коля, – Миша улыбнулся, – больше не командир, тогда это тебе.

Миша достал из кармана письмо, которое писал в правлении для командира Николая. Видимо, всё-таки подразумевалось, что командиром будет Николай, а Серёга кем-то вроде комиссара от райкома. Доверить пришедшему с улицы молодому парню изначально руководство «самым передовым отрядом» было рискованнее, чем общаться с совсем неизвестным грузчиком. Но Миша как ответственный сотрудник взял решение на себя, увидев, насколько оперативно Серёга взял всё командование на себя.

В письме, написанном от руки почему-то на бланке Киришского ГК ВЛКСМ, были обозначены контакты тех людей, с кем следует общаться, в частности, дирекции совхоза, местного райкома КПСС и райкома ВЛКСМ. В этом же письме содержалась просьба составить списки людей, которые могут остаться до 10 августа, и говорилось о предстоящем прибытии новых бойцов.

Заканчивалось письмо следующей фразой дословно (так как письмо неожиданно обнаружилось в сохранившихся бумагах Серёги): «...Остаться, к сожалению, здесь я не могу. Думаю, что в ближайшее время мы решим все проблемы (ИЛИ СРОЧНО ОТЗОВЁМ ВСЕХ ОБРАТНО В ЛЕНИНГРАД)». Далее педантичный Михаил поставил дату и время: «13.00—18.00» (хотя на часах было только 17.00).

– Я, скорее всего, не дождусь его. Надо успеть на электричку обратно. Так что смотри сам, – сказал инструктор Миша и уехал, не успев до конца просохнуть.

Комсомольский «пахан»

Весть о приезде новых бойцов, напоминавших ошипанных куриц, весь день гуляла по небольшому лагерю.

Ближе к семи часам вечера к Серёге, который уже присмотрел себе спальное место и пошёл прогуливаться по территории, подошёл щуплый мужичонка с порочным лицом и, дыша ароматом алкоголя и чеснока, заплетающимся языком с трудом выдавил:

– Командир вас требует к себе!

Мужичонка сел на скамейку. Видимо, устал.

Командира отряда, как выяснилось, «комсомольцы» выбирали в автобусе по дороге в деревню, когда ещё никто никого не знал. Особого выбора не было. Грузчик «Мебельторга», зэк со стажем Николай Васильевич – мускулистый взрослый мужик со следами «героической» юности в виде нескольких шрамов на худощавом лице и со странными татуировками на всех открытых местах тела оказался наиболее авторитетной фигурой. Да и возражать никому не хотелось. Первые несколько дней Николай Васильевич активно созванивался с райкомом, взаимодействовал с директором совхоза, утверждая рабочие смены-подряды. Поваром назначил своего коллегу из «Мебельторга», у которого была одна большая проблема – он не умел готовить. Но эта должность позволяла на легальных основаниях не участвовать в сельхозработах. Активничал Николай Васильевич дня два-три, а затем, к своему удивлению, обнаружил у себя полное отсутствие организационных навыков и решил действовать тупыми административными методами. С пьянством не то что не боролся, но даже поощрял. Не возражал и против набегов бойцов на соседние огороды – есть-то надо было что-то. А когда стали приезжать новые бойцы, начал собирать подати под благовидным предлогом обустройства быта.

Направляясь на встречу с Николаем Васильевичем, Серёга уже обладал этой информацией. Но страха не было. Как мы помним, в Суоярви Серёга чуть ли не жил в одной комнате с зэком со стажем, а первые полгода службы в армии закалили его в общении с самыми неадекватными персонажами.

Николай Васильевич сидел на кровати в позе лотоса, стараясь принять вид пахана, что, в принципе, у него получалось. Вокруг него восседали шестёрки, заискивающе глядя на своего командира, ожидая любой ответственной команды типа принести сигарет, сбежать за водкой, почистить ботинки. Весьма знакомая картина...

Серёга подошёл к кровати командира.

Николай посмотрел на него отрешённо-презрительно:

– Что? Новенький? А где второй? ... Ладно, давай, что привёз.

– Что давать? – искренне не понимая сути вопроса, спросил Серёга.

Командир нахмурился:

– Деньги давай. Здесь у нас быт не обустроен, надо скинуться.

Шестёрки дружно захихикали, понимая, что командир подразумевает под бытом. Серёга тоже нахмурился. Здесь всё-таки не армия, дедов нет. Более того, по армейской классификации он как бы офицер.

– Николай Васильевич, я назначен в ваш отряд комиссаром. Вот мой мандат. – Серёга достал листок, который выпросил в райкоме. – Представитель райкома Михаил вас не дождался.

Николай Васильевич поменял позу лотоса, привстал и изобразил некое подобие улыбки. Шестёрки тоже перестали смеяться.

– Присаживайтесь, коллега. Извините, промашка вышла. Выпьешь?

Серёга отказался.

– Ну и правильно. Как звать-то?

– Серёга.

– Устал я, Серёга.хлопотно здесь. Ну, наконец-то... Я теперь могу быть свободен? Есть полномочия меня отпустить? А то мебель ждёт, жена ждёт... – облегчённо произнес зэк Николай.

– Да, Николай Васильевич, вы можете уезжать, проблем на работе не будет. Жену порадуете. Кстати, ей звонили, и она больше не беспокоится.

Эту информацию о звонке жене Серёга узнал из письма Миши к Николаю Васильевичу, которое Серёга не стал передавать, а сохранил до сегодняшнего дня.

Шестёрки не растерялись и тоже стали спрашивать, когда им можно покинуть лагерь. Так как Серёга не знал, что отвечать, он перенёс решение вопроса на завтра. На сегодня было достаточно выпроводить зэка Николая Васильевича, который вдруг преобразился и стал очень похож на зэка-соседа в Суоярви. Доведя себя алкоголем до благостного настроения, поведал о главных проблемах в этом совхозе, обзывая всё руководство неприличными словами, и немного рассказал о своей тяжёлой жизни.

– Мне кажется, что ничего здесь не исправить. Но... спасибо! Могу я остаться на ночь, Серёга? А завтра уеду.

– Безусловно.

Авторитет начальника зависит от желудка работников

На следующее утро Серёге удалось проснуться рано. Инструктора Миши рядом не было. Вокруг были какие-то люди, которые с трудом могли называться комсомольцами, но таковыми, судя по всему, являлись. Они с неохотой собирались на работу, так как за ними приехала машина и представитель совхоза кричал громко и надрывно.

К Серёге подошел чернявый молодой человек, который назвался заместителем командира и представился:

– Моя фамилия Фридман...

«Кто б сомневался...» – неуклюже подумал Серёга и попросил Фридмана принести списки всех членов отряда, что было исполнено буквально за десять минут.

Серёга стал их изучать. В отряде числилось тридцать человек. Среди них – представители метростроя, каких-то реставрационных мастерских, Ленсвета, но в основном это были представители торговли – «Мебельторг», «Культторг», Дом книги, ДЛТ, «Гостиный Двор» и прочие. Для этих людей пребывание в отряде было очевидной обузой. Платили здесь мало, а там, дома, каждый день приносит заработок в той или иной форме – легальной или нелегальной. От них следовало избавиться в первую очередь. Особенно от грузчиков «Мебельторга» – они, видимо, вносят самую большую смуту, имея очевидное желание распустить этот отряд и вернуться к своим традиционным заработкам. У каждого из бойцов был свой срок пребывания в отряде. Но во власти Серёги было кого-то прогнать, а кому-то срок продлить по взаимной договорённости.

– А как вы здесь питаетесь? – спросил Серёга активиста Фридмана.

– А никак. Совхоз привозит какие-то овощи, иногда мясо, дружан командира готовит ему еду. Нам тоже иногда перепадает. Но... едой назвать это было бы преувеличением...

– Но у вас же есть в отряде повар из ресторана «Метрополь»?!

– О-о-о! Кто бы его близко к кухне подпустил, ты ж понимаешь... Повар же не ездит работать, а сидит с командиром здесь на базе. А Слава (это повар из ресторана) не входит в число приближённых к командиру... то есть бывшему, извини.

Серёга нашёл повара Славу из «Метрополя» (у него в этот день была вторая смена). Им оказался очень обаятельный фактурный молодой парень.

– Слава, не надо вам сегодня сено разгружать. Давайте займёмся завтраками, обедами и ужинами.

– Да я с удовольствием, но здесь же не развернуться, даже холодильника нет, мясо привозят редко, яйца все забыли, как выглядят, – стал жаловаться повар Слава, чувствуется, что накопело.

– Это мы решим! – уверенно воскликнул Серёга и понял, что надо идти к директору совхоза.

Юрий Николаевич, узнав, что Серёга разогнал вредителей и теперь отвечает за этот отряд, незаслуженно набросился на Серёгу:

– Я такого ужаса в жизни не видел. На моей памяти не было хуже отряда – сплошное пьянство, отсутствие какой-либо работы, дисциплины... Как так можно! Они просто прожигают мои продукты. А я им ещё и плачу деньги!

Серёга не поверил директору, так как всегда любил повторять: *«Нет ничего в жизни такого ужасного, ужасней чего не могло бы быть»*.

Но всем своим видом демонстрируя сочувствие, поддакивая в такт типа «Да, да, я сам вчера убедился...», вынудил директора согласиться с необходимостью поставить в отряд холодильник, обеспечить ежедневные поставки мяса, яиц и иных продуктов в оговоренном с поваром объёме, а вечером привозить в отряд бидон молока.

Директор обещал всё организовать до обеда, но своё обещание Юрий Николаевич выполнил ближе к ужину. Этого времени хватило, чтобы повар Слава из «Метрополя» приготовил первый для бойцов настоящий ужин, который Серёга решил превратить и в первый официальный сбор «добровольцев». На столах стоял салат из свежих овощей, мясо, обжаренное каким-то особым образом, и даже десерты, которые Слава приготовил из фруктов, также предоставленных совхозом. Более того, повар Слава успел превратить барачное помещение столовой в некое подобие ресторана с отдельно накрытыми столиками и даже меню на ужин и на следующий день нарисовал, придумав для своих блюд красивые, вызывающие аппетит названия. Это меню он разместил прямо перед входом в столовую, которая была названа рестораном.

Бойцы ошалели от увиденного и съеденного. Особенно те, кто никогда не ходил в рестораны. Повар Слава стал всеобщим любимцем, а дружан командира Николая, оставшись без «вкусной» должности, покинул отряд вслед за своим шефом.

Перед ужином Серёга смог переговорить практически со всеми бойцами, выясняя их пожелания и потребности. Кто-то откровенно просился домой, кто-то жаловался на скуку по вечерам, кто-то хотел совмещать работу с рыбалкой... Тем, кто хотел покинуть отряд, Серёга пообещал, что решит вопрос в ближайшие дни. Наиболее наглым и подверженным алкогольной зависимости бойцам, которых было очень много, Серёга предложил (под свою ответственность) уехать прямо сейчас или утром. В результате лагерь опустел почти на треть, но Серёга не очень расстраивался, зная, что на следующий день обещано прибытие новой смены, а там уже не придётся из людей выбивать синдром зэка Николая и его шестёрки.

Первое собрание значительно поредевшего отряда за вкусным ужином прошло, как принято говорить, в деловой и очень дружелюбной обстановке. Благодаря повару Славе Серёга впервые получил моральное право разговаривать с бойцами как начальник.

Напомню, что Серёга с самого раннего детства был сторонником саморегулирования с элементами диктатуры. Не стал он отступать от самовольно навязанных себе убеждений и в этот раз. На собрании он назвался командиром и предложил избрать совет отряда в составе трёх человек, которые объявлялись его заместителями: первый заместитель – активист Фридман, так как его усердие выливалось через край бурным потоком инициативы, вторым заместителем по должности стал повар Слава, который попросил называть его – кок-инструктор, шеф-повар или заведующий производством. Кстати, ему было доверено непосредственно общаться с руководством совхоза, освободив Серёгу от этой части обязанностей, и заказывать любые продукты, которые пожелает. Получив официальную должность, повар Слава заметно преобразился сам и преобразил всё своё хозяйство. Теперь на всех столах стояли свежие цветы, а меню предусматривало даже выбор гарнира. А третьим заместителем стал Илья – весьма импозантный, с красивой бородой, сильный и дружелюбный реставратор мебели, который всё это время добровольно и очень активно помогал Серёге в решении самых разнообразных вопросов. Илья просто нравился Серёге своим спокойствием и рассудительностью. Таким образом, в отряде установилась вполне себе демократическая власть. Серёгины помощники ещё больше воспряли духом от полученных должностей. А Серёге всегда было с кем посоветоваться. Все остальные члены отряда также остались довольны, так как им было предложено в любой час дня или ночи высказывать свои жалобы, пожелания, критику.

Что главное в работе? Безусловно, хорошо организованный отдых!

В первый же день Серёга успел позвонить в райком и попросить, чтобы ему передали через новых бойцов шахматы, волейбольный и футбольный мячи, удочки и иной полезный инвентарь, способный скрасить досуг. А также как можно быстрее направить к нему в отряд примерно четырёх девушек, желательно студенток, которые бы стимулировали бойцов к трудовым подвигам. На том конце провода, видимо, ухмыльнулись Серёгиной наглости и размаху – надо же, сразу четырёх! Но обещали просьбу выполнить в ближайшие дни. Серёга удивлялся тому, как там на другом конце провода откликаются на его самые неожиданные просьбы. Наверное, инструктор Михаил так живописал их поездку и атамана-зэка Колю, что все Серёгины просьбы воспринимались как жизненно необходимый элемент комиссарства.

Утром следующего дня до прибытия новой партии бойцов Серёга отправился к Юрию Николаевичу и, обещая в скором времени новую жизнь всему отряду, а как следствие – всему совхозу, попросил какую-нибудь аппаратуру для дискотеки. Директор пытался уточнить детали про новую жизнь.

– Понимаете, Юрий Николаевич, сейчас проходит процесс обновления кадров. Если приехавшее поколение сразу окажется в позитивной обстановке, то и дело будет спориться. Ведь **что главное в работе?** Правильно... – Серёга задумался, а затем произнёс фразу, призванную стать классикой, только позже: – **Правильно организованный отдых!**

Серёга был очень напорист в своих смелых высказываниях, и директор с большим сомнением, но обещал решить вопрос до вечера.

Своего заместителя – повара Славу, Серёга попросил сделать ужин особенно торжественным, так как в связи с приездом новой смены задумал провести первый официальный вечер знакомств. Об этом говорилось в большом объявлении, вывешенном на входе в столовую: «СЕГОДНЯ В 19.00 В ПОМЕЩЕНИИ РЕСТОРАНА СОСТОИТСЯ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР ЗНАКОМСТВ. В ПРОГРАММЕ – ЗНАКОМСТВА, УЖИН, ПРАЗДНИЧНАЯ ДИСКОТЕКА, ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ».

Бойцы с удивлением смотрели на красочный плакат, задумываясь, что бы им надеть, несмотря на то, что все они были мужчинами. Заместитель Фридман, что естественно, взял на себя функцию сбора денег на вечернее мероприятие, чтобы не только молоко стояло на столах и при этом никто не напился.

Будучи увлечённым встречей новых бойцов, которые прибыли в лагерь ближе к вечеру, Серёга даже не знал, что в столовой уже готова дискотека и, более того, один местный житель притащил свою цветомузыку, пластинки, кассеты и попросился поработать диск-жокеем. Бесплатно, но с одним условием, о котором чуть позже...

Один из бойцов нашёл где-то череп коровы и принёс его Славе. Слава уже было послал «активиста», пригрозив ему лишением завтрака, но затем местный диск-жокей отмыл череп и повесил его над выходом из столовой, вставив в глазницы две разноцветные лампы. Получилось очень стильно, и Славе пришлось извиниться.

В 19.00 к столовой-ресторану осторожно стали подходить «старослужащие» бойцы. В их настороженных взглядах сквозило ожидание подвоха. Но, войдя в помещение, где мигали разноцветные гирлянды ламп, глаза коровьего черепа светились красным и синим цветами, а из динамиков играла бойкая советская эстрада, лица бойцов озарила искренняя улыбка, они рассаживались, весело переговариваясь между собой.

Когда «старослужащие» заняли свои места, вошли Серёга с Ильёй.

– Коллеги! – громким басом начал своё выступление Серёга. – Сегодня мы с вами присутствуем на открытии нашего ресторана (слово «презентация» тогда было неведомо широ-

ким массам) и на встрече новой смены молодых бойцов. – Серёга уменьшил громкость своего баса. – Давайте мы их хорошо поприветствуем, ибо с сегодняшнего дня они члены нашей команды.

Диск-жокей выдал торжественную музыку, бойцы зааплодировали, и Илья открыл дверь. В столовую стали осторожно заходить новички. Их было десять человек. Все мужчины. Встретив такой тёплый прием, они приветственно замахали руками и стали подсаживаться за столы.

Перед тем, как начать вечер знакомств, Серёга с видом классического интригана, сощурив глаза, таинственно произнёс:

– А теперь, товарищи бывалые бойцы, попробуйте угадать, кто к нам приехал?

Бойцы оживились и стали выкрикивать под общий смех присутствующих:

– Алла Пугачёва?!

– Брежнев?!

– Ансамбль «Калинка»?!

Серёга выждал паузу и крикнул:

– Почти угадали! Самые ожидаемые бойцы нашего отряда!

Серёга открыл входную дверь, и в зал вошли четыре молоденькие девушки.

Да, райком постарался и успел найти для этой смены на удивление очень даже симпатичных девушек-студенток из «холодильника» (так называли Институт холодильной промышленности). Девушки гордо прошествовали мимо столиков под бурные несмолкающие аплодисменты. Все они были одеты в джинсы и простые футболки, так как никто из них не мог подумать, что в сельхозотряде возможны такие светские мероприятия.

– Мы студентки «холодильника», – резво начала представление самая бойкая из них блондинка с короткой стрижкой, и бойцы дружно рассмеялись. Девушка улыбнулась. – Так называют наш институт. Меня звать Света, а это – Людмила, Анжела и Наталья.

Людмила, Анжела и Наталья соответственно скромно закивали.

– Нас так быстро с кафедры отправили сюда, что мы даже не успели толком собраться и привести себя в порядок... Вы уж извините, – тихим голосом пыталась оправдаться Анжела.

– Не надо приводить себя в порядок, Анжела. Вы и так прекрасны... Присаживайтесь ко мне, у меня есть свободное место, – елейным голоском запел молодой парень, постоянно страдавший по рыбалке, и все поняли, что для него слово «рыбалка» имеет явно расширительное толкование.

Так начался вечер знакомств. Большинство бойцов стремилось представиться оригинально. Кто-то рассказал анекдот, кто-то стих прочитал... Все остальные бурно аплодировали. Впрочем, всех представляющихся больше всего волновало внимание четырёх принцесс, присевших за отдельным, специально накрытым столиком. На этом столике стояла бутылка вина, а не водки, как на остальных столах.

Теперь все могли друг с другом общаться по имени. Более того, был ясен профессиональный расклад бойцов – работников торговли осталось три человека, а большинство составляли представители научно-исследовательских институтов, что радовало.

О БУДУЩЕМ

Большой тайны не открою, если скажу, что вечера знакомств стали в дальнейшем Серёгиным коньком. Он считал, что людям будет легче общаться друг с другом, если они познакомятся, что логично. Но так как большинство советских граждан обладало врождённой пролетарской скромностью, то процесс неформального знакомства необходимо было постоянно организовывать.

После так называемой официальной части началась часть неофициальная. Серёга, как фокусник, доставал предметы для организации досуга, вызывая бурную реакцию «старослужащих», так как молодые могли только удивляться, почему в лагере нет гитары, шахмат, мячей и удочек. Двое сразу начали играть в шахматы, а уже знакомый нам молодой боец схватил удочку и прижал её к себе, как женщину, а может, и нежнее. Он давно уже ходил на рыбалку с замороженными длинными палками и верёвкой вместо лески. Теперь пребывание в лагере станет для него счастьем. К тому же будет для кого рыбу приносить, ведь есть настоящий повар.

Когда «подарки от райкома» закончились, Серёга предоставил слово повару Славе, который стал демонстрировать чудеса владения кухонным ножом сугубо в кулинарных целях. Бойцы следили за руками Славы с восхищением – как он чистил картошку, как виртуозно резал огурцы, помидоры и лук, не уронив ни одной слезы. Это было настоящее искусство! А триумфатор Слава, как заядлый артист, гордо кланялся, распахивая руки, словно желая всех обнять. Многие захотели взять мастер-класс у Славы, который тут же объявил расписание занятий по обучению резке овощей.

Все были так увлечены действием, устроенным поваром Славой, что не заметили, как местный диск-жокей с простым крестьянским именем Альберт переминается с ноги на ногу, нервно поглядывает на часы, периодически выскакивает за дверь и быстро возвращается обратно. Наконец, когда Серёга объявил начало дискотеки, Альберт запрыгал, включил во всю мощь совхозных колонок песню «Арлекино» (из репертуара Аллы Пугачёвой) и выключил основной свет. В полумраке замигали разноцветные лампочки гирлянд. Дождавшись, когда воодушевлённые бойцы вышли танцевать, он, нервничая, как будто очень хочет в туалет, проскочил на улицу.

Через несколько минут в «ресторан» стали входить незнакомые парни и девчонки, активно включаясь в процесс танцев. Это и было одним из условий, о котором Альберт поведал директору ресторана Славе, а Слава Серёге. Оказывается, в деревне вечер танцев проводится только один раз в неделю, куда ходят, как правило, малолетки, и то из соседних населённых пунктов. Получить собственную дискотеку, пусть даже у «чужаков», было мечтой относительно зрелой части населения деревни. Братание местных комсомольцев с приезжими состоялось. Все остались довольны друг другом.

Серёга тоже был доволен собой. Команда сплотилась и, несмотря на наличие достаточно большого количества спиртного, никто не нажрался, не буйствовал, не хамил, и ровно в час ночи Альберт стал потихоньку умолкать, а бойцы расходиться по баракам.

Серёга записал в свой блокнот фразу: *«Хорошо организованная пьянка перестаёт быть пьянкой, так как хорошо организована».*

«Комсомольцы-добровольцы» – ударники труда!

Это же так просто расположить к себе людей, если все видят, что ты искренне стараешься сделать всё возможное, чтобы им было хорошо. Сделать ВСЕМ хорошо, конечно, невозможно. А если постараться? Всё равно же заметят эти усилия с благодарностью.

На следующее утро всем действительно было хорошо. Потому хорошо подкреплённая чудесным завтраком первая смена тружеников ровно в 8.00 во главе с бригадиром Фридманом стояла рядом с баракom. Это вызвало лёгкий шок у приехавших совхозных представителей, которые так привыкли кричать, материться и нервничать, наблюдая, как ленивые, полусонные с похмелья комсомольцы в течение получаса выползали из барака. Немного пришлось подождать двух девушек (Серёга грамотно их распределил по сменам), но это ожидание выглядело вполне простительно.

Через день, когда были решены все организационные вопросы, Серёга тоже решил заняться физическим трудом и поехать поруководить второй сменой, оставив на «хозяйстве» Славу и Фридмана, который возвращался после первой смены. Впрочем, не только тяга к физическому труду стала причиной этого решения. Во-первых, Серёге надо было доказать и старой, и новой сменам бойцов, что он не стремится под предлогом занятости хозяйскими делами сачковать, а во-вторых, надо было на своём опыте исследовать причину слабых показателей работы бойцов на сельскохозяйственном фронте, на что постоянно жаловался директор совхоза.

В бригаде было пятнадцать человек, из которых четыре бойкие девчонки: заводила Света с подружкой Натальей, а также Людмила и Анжела. Серёга понимал, что толку от них, конечно, никакого... так... пококетничать, попами повилиять, тем более что их попы были обтянуты короткими шортами. Но на это и был сделан основной расчёт, и на девчонок была возложена очень важная миссия. Ещё одна серьёзная миссия была возложена на помощника Илью и рыбака Коляна, который был безумно счастлив оттого, что работает во вторую смену, так как ранним утром он ловил в ближайшей речке новой удочкой нечто вроде рыбы, но пока её никто не видел.

Работа оказалась незамысловатой. Надо было вилами побросать в грузовик специально подготовленные кубы сена. Подъезжает машина – четыре человека в кузов, остальные с земли бросают им метровые кубики сена.

Погода выдалась удачная. Безоблачное небо и яркое солнце позволили мужчинам оголить торс, и две машины были загружены за сорок минут без особых усилий. Даже девчонки несколько раз изящно помогали закидывать сено. Затем кто-то предложил объявить перекур. Серёга согласился. Понеслись анекдоты, смешные истории из жизни, которые рассказывались всеми подряд без желания быть услышанными.

Прошло десять минут, но ни у кого из бойцов не было желания загружать следующие машины, которые уже выстроились в очередь и иногда нервно сигналили. Вот где причина всех проблем – видно, после первых машин никто уже не хотел вставать! Водители затем сигнализировали директору на нерадивых бойцов, и пошло-поехало...

Серёга встал и крикнул поставленным командирским голосом:

– Ну, бойцы! Давайте отпустим эти грузовики! – и первым залез в кузов машины.

Бойцы, которым хотелось договорить нескончаемые анекдоты, зароптали, но за Серёгой в кузов залез Илья, а рыбак Колян стал им снизу вместе с девчонками подавать сено. В этот момент привыкшим сачковать «старослужащим» бойцам стало неудобно, и через несколько секунд бригада пришла в боевое состояние, которое активно подогревали Илья с Серёгой и девчонки, подбадривающие всех, кто мог назваться нерадивым.

На третьей (последней стоявшей в очереди) машине бойцы начали петь революционные песни, а девчонки в такт музыке размахивали снятыми футболками, оставшись в купальниках. Так и не заметили, как быстро загрузили машину, и наступил естественный перерыв, то есть не было машин, значит, можно с чистой совестью начинать рассказывать истории и анекдоты.

Далее машины загружались по мере их прибытия, и в результате в рабочем листе было указано десять машин. Серёга понял, как вызывать народный энтузиазм: комиссар впереди, три товарища, его поддерживающие, и остальным уже неудобно, особенно, если за ними наблюдают прекрасные представители человечества, оголившиеся до купальников.

О ВРЕМЕНИ

Юному поколению, привыкшему к тому, что энтузиазм поднимается только количеством выделенных для этого материальных средств, сложно будет понять Серёгин тезис. Также трудно доказать, что всякое в жизни может случиться – вот случится, тогда поймут. Поэтому объясню на доступном языке: когда через неделю бойцам показали, сколько каждый из них заработал в реальных деньгах, рады были все, ведь при этом у них на работе тоже начислялась полная зарплата. Не радовало это только немногочисленных работников торговли, у которых зарплата в городе не являлась основным источником дохода. Вот и записал Серёга: «Для русского человека героизм и энтузиазм есть понятия физиологические, почти генетические. Поэтому подъем энтузиазма – процесс технологический...»

Бригада Фридмана тоже решила не отставать, и на следующий день они показали одиннадцать загруженных машин! Так и продолжалось это соревнование до тех пор, пока руководство совхоза не уличило Фридмана в приписках, так как просто не было столько машин в его смену, количество которых он себе приписывал. Фридман, почему-то обиравшись именно на Серёгу, а не на совхозное руководство, уехал из лагеря.

Серёга записал: *Крысятничество даже в «благородных» целях собственного обогащения всегда остаётся крысятничеством (крысятничество – это нечто неприятное и не понимаемое людьми, не любящими крыс).*

Напомним, что с крысами у Серёги в армии были особые отношения.

Но, несмотря даже на этот небольшой инцидент, Юрий Николаевич был счастлив – наконец-то пошёл нормальный рабочий процесс. Вследствие этого счастливого состояния директор баловал бойцов различными деликатесами, которые Слава превращал в необыкновенно вкусную ресторанную еду. Бойцы подчинялись расписанию, которое Серёга крупно вывесил при входе в столовую, где было предусмотрено и купание, и посещение библиотеки (в которой, правда, было всего двадцать книжек), и азартные игры в шахматы и шашки, и волейбол, и просмотр телевизора, который Юрий Николаевич поставил в передовой отряд, и вечерняя дискотека, и свободное время после часа ночи. Кстати, дискотека действительно стала центром притяжения всего посёлка. Не допускались только несовершеннолетние, за чем строго следил диск-жокей Альберт с командой своих помощников.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда Серёге было тяжело, он периодически записывал мысли в маленький блокнотик. Этот блокнотик, который можно было назвать дневником, сохранился, и, не спрашивая разрешения, приведу записи о четырёх днях почти дословно, так это позволит глубже проникнуть в его душу.

Среда: приезд. Повальная пьянка. Проблемы: работа (плохо), питание (ужасно), повар – полный профан, нет ничего.

Четверг: меняю повара, назначаю бригадира, знакомлюсь со всем начальством, проблемы со всем.

Пятница: люди начинают нервничать, опасаться, выхода не вижу, приезд представителей РК ничего не решит, бегаю, ищу чего-то невозможного, выработки отряд никакой не даёт.

Субботник: организовал субботник в счёт кухни, достал холодильник, работал на разгрузке. Вечером обрадовал людей, отправил последних вредителей.... Гора с плеч.

Воскресенье: питание налажено, быт тоже, люди прибывают, даже девушки. Все рады и счастливы, я тоже. Даже погода наладилась. Вечером – дискотека.

Первого августа в газете «Смена» неизвестно как появилась заметка о передовом отряде, в которой Юрий Николаевич восторгался бойцами комсомольско-молодёжного отряда. Серёга не знал тогда, что такое РР или связи с общественностью, и, соответственно, не догадывался, какую пользу можно извлечь из небольшой заметки. Польза пришла сама по себе.

Встреча с Надеждой, или «Смены не будет!»

Через несколько дней, когда Серёга в очередной раз позвонил в райком, секретарь секретаря Ирина сообщила, что в совхоз собирается приехать её начальница Надежда, вернувшаяся из отпуска. Нельзя сказать, чтобы Серёга испугался – он и ранее в армии, в музее и в дальнейшем не очень боялся проверок вышестоящих. Наоборот, он ждал эту (простите за неоригинальный каламбур) встречу с Надеждой с надеждой, ведь именно от неё зависела его дальнейшая судьба.

Серёга ждал встречу с судьбой каждый день, и каждый день секретарь секретаря говорила, что Надежда появится у него завтра. Так прошло пять дней. К этому времени у Серёги осталось пятнадцать бойцов из тридцати – остальных отозвали в город, а новую смену отряду обещали, но приезд этой смены задерживался, как и приезд начальницы. Если так пойдёт, то через неделю Серёга останется наедине с поваром Славой, реставратором Ильёй и рыбаком Колей, который не хотел никуда уезжать, хотя его городское начальство выражало очевидное желание его вернуть.

Первый секретарь Надежда появилась неожиданно, ворвавшись на Серёгину территорию на чёрной «Волге». Она оказалась очень даже милой и привлекательной девушкой, хотя по Серёгиной солдафонской иерархии приравнивалась к командиру полка. Никаких официальных костюмов, всё, как у обычных студенток-бойцов, – простые слегка потёртые джинсы, футболка и лёгкая куртка, так как капризная ленинградская погода давала о себе знать, накрапывал назойливый и неприятный дождь.

В больших карих глазах отражалось желание вникнуть в проблемы, которые Серёга никак не мог озвучить, потому как внутренних проблем не было. Серёга показал Надежде «ресторан», он же дискотека, он же игровая комната, а также прилично обустроенный барак и даже место, где заядлый рыбак Колян ловил рыбу.

И всё же в этих больших карих глазах, кроме искренней увлечённости, сквозила какая-то настороженность или озабоченность. «Что-то женское, наверное...» – думал Серёга, не очень разбирающийся в загадочных душах первых секретарей. Но Надежда уже перед самым отъездом раскрыла причину своей озабоченности:

– Понимаешь, Серёга... Мы уже исчерпали все свои ресурсы по привлечению людей на сельхозработы. Отказы идут от всех предприятий. Но здесь надо ещё две недели продержаться, хотя бы этим составом....

– Помните фильм «Как закалялась сталь»? Как-то так приходит бригадир и объявляет: «Смены не будет! Пять раз сдохни, а построить узкоколейку надо нам!».

– Да, да. Примерно так. – Надежда задумалась, а затем решительно сказала, выходя из машины: – Хочешь, я сейчас соберу бойцов и сама объясню им политику партии и правительства?

Серёга улыбнулся:

– Не надо.

Серёга предложил Надежде снова сесть в машину, представив, как его бойцам сейчас будут прочищать сознание. Надежда, конечно, является командиром полка, но он, Серёга, как-то ближе к своим труженикам.

– Я сам всё объясню, но не гарантирую, что всё в таком составе останется.

– Нет, нет! Даже, если пять человек дотянут до окончания двух недель, уже будет хорошо.

Смены не будет! Нам бы ночь продержаться да день простоять...

Чёрная «Волга» вместе с Надеждой покинула посёлок, держа курс на Ленинград, оставив Серёгу наедине с пятнадцатью бойцами, которых следовало удерживать целые две недели. Как у любого нормального человека, у большинства бойцов были свои планы на оставшуюся часть августа, вступающие в противоречие с желаниями райкома. Семья в виде жены и детей была понятием, пока не обретшим для Серёги осознаваемого смысла, но даже он понимал, что они не менее важны, чем невнятное понятие общественного долга.

Самое трагичное было то, что остаться хотели те, кого начальники требовали вернуть, а уехать те, кто на работе в Ленинграде, видимо, не очень-то и нужны. Все приёмчики в виде дискотеки, спорта, рыбалки своё отработали, даже девушки уже покинули лагерь.

Илья, повар Слава, рыбак Колян и новый товарищ Серёги – полярник Евгений из Института Арктики и Антарктики, почувствовали озабоченность начальника.

– Что тебе сказала эта симпатичная дама из райкома, что ты так озадачился? – спросил Илья, когда друзья сели на берегу речки, в то время как остальные немногочисленные бойцы отрывались на дискотеке Альберта с деревенской молодёжью, коей было уже значительно больше, чем бойцов.

– Есть две новости. Одна плохая, вторая... – Серёга задумался.

– Какая вторая? – спросил Колян, не спуская глаз с поплавка.

– Вторая тоже плохая.

– Ну, даёшь! – присвистнул повар Слава. – Начинай с первой, раз нет разницы.

– Коляна и Илью требуют в город их начальники...

– Не поеду я никуда! – Колян рванул удочку вверх, видно, ему показалось, что поплавок пополз вниз. – Вот чёрт, сорвалось!... А какая же ещё может быть плохая новость?

Серёга ухмыльнулся:

– То, что нам здесь ещё две недели пыхтеть без надежды на пополнение. То есть ночь продержаться и день простоять... – задумчиво пропел Серёга фразу из «Сказки о Военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» Аркадия Гайдара.

– Так это же хорошая новость! – Колян даже оторвался от удочки.

Евгений оказался более прозорливым:

– В отдельности – хорошая, а в совокупности с первой – плохая.

Не буду скрывать, что для решения этой сложной шарады друзьям пришлось пригубить бутылку водки, хотя это и считалось нарушением режима. Серёга пересказал суть разговора с Надеждой. Когда содержимое бутылки почти закончилось, пришло решение, которое сформулировал полярник Евгений как самый старший член руководства, к тому же привыкший к экстремальным ситуациям:

– Во-первых, надо хотя бы на неделю оттянуть неминуемый отъезд Ильи и Коляна. Так и надо заявить райкому. Под любыми предлогами. Серёга – это твоя задача.

– Будет сделано! – Серёга козырнул.

– Во-вторых... – продолжил Евгений, поглаживая свои чёрные усы. – Надо переговорить с теми, кто в городе не нужен, а отсюда хочет уехать. Постараться хотя бы четверых убедить доработать здесь две недели. Это должен сделать Слава своими вкусными методами. Далее, надо переговорить с директором совхоза, что у нас теперь будет только одна бригада. Сказать, что работать она будет, как три во времена вашего, этого...

– Командира грузчика Николая... – подсказал Илья.

– Да, да. Серёга, попугай его временами этого Николая. Главное, чтобы он не жаловался. Тогда в последнюю неделю оставляем в лагере только Славу, а все оставшиеся...

– То есть ты да я? – спросил Серёга ухмыльнувшись.

– Будем надеяться на лучшее. В любом случае пятерых сохраним.

Началась борьба за каждого человека. Слава применял свои вкусные приёмы, Серёга осторожно давил на сознательность, обещая при необходимости благодарственные письма тем, кто пожертвует своими личными планами, сам себе напоминая и Павку Корчагина, и Мальчиша-Кибальчиша одновременно.

– Смены не будет! Нам бы день продержаться да ночь простоять!

С райкомом приходилось созваниваться каждый день. Коляна удалось отстоять на полторы недели с огромным трудом, вплоть до того, что он сам позвонил начальнику и сказал, что заболел, когда вернётся. Колян был в своей организации, которая называлась «Ленсвет», незаменимым сотрудником, а в отряде оказался из-за нелепой технической ошибки. С Ильёй через неделю пришлось расстаться – назревал большой скандал, и рисковать его работой не следовало.

Последнюю неделю пришлось отрабатывать отряду в количестве восьми человек. Но было очень душевно.

Юрий Николаевич, прощаясь с Серёгой, доложил о том, что в адрес райкома официально отправлена почётная грамота, в которой говорилось дословно следующее: *«Награждается за ударный труд на заготовке кормов и уборке урожая, хорошую организацию работы комсомольско-молодёжного отряда в совхозе „Березовский“ комиссар комсомольско-молодёжного отряда...»*

Серёге было приятно. Он понимал, что ничего большего директор совхоза сделать не мог.

Серёга понял одну истину: *«Легче добиться успеха, если есть команда и когда ты думаешь о тех, кто есть в команде».*

В дальнейшем, когда он забывал об этой истине, его поджидали кризисы и неприятности.

Часть вторая.

В поисках смысла. Район

Чем же занимаются в райкоме?

После победного возвращения Серёги из деревни в городскую среду проблем с адаптацией не возникло. Приведя себя в порядок, он пришёл в райком, где секретарь Надежда встретила его весьма доброжелательно. Она даже позвала в свой кабинет второго секретаря Александра, который усиленно старался сделать своё лицо довольным, что не очень получалось, а также непосредственного будущего начальника Серёги, который оказался его тёзкой. Начальник Серёги внешне выглядел откровенным добряком – круглое лицо, очень хорошие тёмные глаза, ни тени налёта комсомольского чиновничества. Его должность называлась – заведующий организационным отделом.

Надежда максимально сдержанно, но публично, поблагодарила Серёгу за его подвиг в совхозе, официально вручила уже известную нам почётную грамоту (в этом месте секретаря Александра чуть передёрнуло), но не преминула заметить, что жизнь инструктора райкома по трудности немногим отличается от жизни комиссара комсомольско-молодёжного отряда.

В чём заключается трудная жизнь инструктора и в чём смысл этой работы, Серёга не очень понимал. Серёга вообще не очень понимал, куда он попал. Присутствующие на встрече опытные сотрудники во главе с Надеждой пытались ему объяснить. Попытаемся рассказать, как была устроена жизнь в организации, в которой Серёга не мог представить своего места ещё два года назад.

Организационный отдел, где Серёге был приготовлен стол со стулом, был поделён на несколько секторов (групп) по направлению деятельности предприятий и организаций, находившихся на территории Куйбышевского района. А район этот был самым центральным в Ленинграде: Невский проспект и всё, что рядом. Позднее район так и стал называться – Центральный, но уже в Санкт-Петербурге, объединившись со Смольнинским и Дзержинским районами. Безусловно, я могу ошибиться, но группы были ориентировочно следующими: промышленные предприятия (их было не очень много, но они играли существенную роль); группа, объединяющая научные институты; группа медицинских и административных организаций. Одной из значимых групп была, безусловно, группа торговых организаций, а это и «Гостинный Двор», и «Пассаж», и ДЛТ (Дом ленинградской торговли), но самое важное, что именно в этом районе располагались управления всех торговых организаций, таких, как, например, «Мебельторг», «Ленкультторг» и прочие, уже известные нам по их «добровольцам» в совхозе. У каждой из этих групп были свои комсомольские кураторы, они же инструкторы, которые должны были обеспечивать работу с комсомольцами этих организаций. Это и был организационный отдел, начальником которого был человек Сергей с добродушным лицом.

Кроме организационного отдела в райкоме был отдел по работе с учащейся и студенческой молодёжью. Был даже специальный секретарь по этому направлению, которого звали Михаил. Он с некоторой осторожностью относился к Серёге, но на всех совещаниях в дальнейшем вставал на его сторону. Самым боевым был отдел, который занимался борьбой с «комсомольской» преступностью. Правильнее сказать – боролся с преступностью силами комсомола. В его задачи входило создание и руководство различного рода молодёжными добровольными дружинами, оперативными отрядами, взаимодействие с органами внутренних дел и товарищами этажом выше. Вероятнее всего, во время приключения Серёги и его друга Лёши в гости-

нице «Европа» именно сотрудники этого отдела курировали тех самых оперативников, которые обеспечивали их задержание. Самым деловым был сектор учёта, где работало много юных девушек, и о котором я уже говорил в самом начале своего повествования. Возглавляла сектор темноволосая красавица Маша. Поговаривали, что секретарь Александр тайно был в неё влюблён и, возможно, его подозрительное отношение к смазливым и холостым сотрудникам райкома, к которым относился и новенький Серёга, объяснялось именно ревностью, хорошо, если бы это было так.

Когда Серёга более-менее понял структуру организации, не очень осознавая смысл её существования, Надежда решила напутствовать его предупреждением:

– Серёга, у тебя очень ответственная группа – творческие организации. Большинство театров, музеев, библиотек, кинотеатров и концертных площадок сосредоточено именно в нашем районе. Там очень сложная молодёжь, совершенно не...

– Не комсомольская, – перебил её Александр с лицом, показывающим его откровенную неприязнь к данной категории молодёжи.

– Артисты – народ сложный... – пробурчал начальник Серёги, очевидно, знающий все проблемы бывших инструкторов этой группы.

– Мы уверены, что ты справишься, – сказала Надежда. – Ты же для них почти свой...

– Постараюсь, – пробурчал Серёга.

Знакомиться с коллегами по орготделу Серёге не пришлось, так как он их уже знал. Внешне Серёга очень отличался от своих соседей по кабинету. Особенно в одежде. Стыдно признаться, но он никогда не умел хорошо одеваться. Ему вообще это было неинтересно, сказывался детский комплекс донашивать всё за старшим братом. Единственные предметы одежды, которыми он мог гордиться, – замшевый чёрный пиджак и уже не совсем белые джинсы, купленные в Венгрии четыре года назад, когда Серёга, как мы помним, был студентом. А повседневная рабочая одежда – костюмы из магазина «Детский мир», старые нейлоновые рубашки, совсем новые ботинки, с которых почему-то слезла внешняя поверхность кожзаменителя целыми кусками, и кем-то из маминих подруг отданная поношенная куртка тёмно-болотного цвета в разводах.

Но Серёга не воспринимал косые взгляды коллег. Он же был солдат в звании лейтенанта. Какая ему разница, во что он одет и чем отличается его совхозная работа от работы в райкоме. Это потом он понял два отличия: в райкоме больше бумаг и больше ненужной никому работы. И вообще смысл этой работы понять было сложно.

Для того чтобы Серёга больше проникся смыслом комсомольской работы и перед тем, как посадить его за ответственный стол, он был отправлен на учёбу в Ленинградскую областную комсомольскую школу. Эта школа находилась на улице Петра Лаврова (ныне улица Шпалерная) рядом с Таврическим дворцом, в котором располагалась Высшая партийная школа. Учиться на комсомольского бюрократа Серёге не очень хотелось. Но было интересно понять и найти ответ на вопрос: а где и как появляются молодые бюрократы.

Но он не нашёл ответа на этот вопрос. В этой школе было очень весело: прекрасные ребята, прекрасные девчонки, они же сотрудники райкомов комсомола, но в них не было никакого налёта формализма! Как же так? Серёга вёл себя достаточно свободно, как ему казалось, и при этом не испытывал никакого давления со стороны преподавателей, среди которых редкостью были те, кто снабжал слушателей какими-то закорючатыми стандартами и штампованными знаниями, что сегодня принято называть пропагандой. Надо отметить, что со многими сокурсниками Серёга очень подружился, а один из них даже станет в дальнейшем свидетелем на его свадьбе. Но об этом после...

Если ты работаешь с творческими людьми, надо понимать, что это они с тобой работают

Серёга занял свой рабочий стол, находившийся справа от входа в большой кабинет. На столе, кроме телефона, больше ничего не было. Папки с делами, в которых, собственно, дел никаких не было, ему передали отдельно.

Задачи, стоявшие перед инструкторами организационного отдела, были настолько примитивны, что совершенно не хотелось заниматься их исполнением. На еженедельной планёрке в кабинете начальника каждый публично докладывал о своих успехах, которые сводились, в основном, к цифрам. Серёга любил цифры и, как мы помним, в армии в бытность директором музея боевой славы, он с большим удовольствием фиксировал цифры в специальном блокноте: сколько проведено экскурсий, сколько посетителей прошло через музей каждый месяц, радовался, когда ежемесячно повышались эти показатели. Но для того, чтобы они повышались, он договаривался с организациями, предприятиями, непосредственно проводил экскурсии так, чтобы слава о музее переходила из уст в уста в относительно небольшом городе Кривом Роге. Потому такой критерий, как количество посетителей и экскурсий, был ему понятен. В совхозе тоже были цифры загруженных машин, и эти цифры складывались в зарплату.

Здесь же критериями работы были: своевременное снятие и постановка на учёт комсомольцев, своевременный сбор членских взносов, и одним из важнейших показателей был приём новых членов в молодёжную организацию. Понятно, что снятие и постановка на учёт – вопросы чисто технические. Но как можно с людей требовать взносы, а тем более, чтобы они вступали в организацию, если они не видят в этой организации никакого смысла? Наверное, инструкторы в райкоме должны заниматься тем, чтобы повышать мотивацию молодых людей и помогать секретарям именно в обеспечении необходимой позитивной атмосферы, чтобы всем хотелось добровольно платить взносы.

Первыми бумагами, с которыми Серёга желал активно ознакомиться, стал список всех организаций, находящихся в сфере его влияния. В этих списках содержались координаты секретарей комсомольских организаций и их заместителей, включая домашние телефоны, контакты руководителей организаций, секретарей партийных организаций. А организации были очень интересными. Всего их было чуть больше двадцати пяти, среди которых все театры, кинотеатры, музеи, библиотеки, издательства, находящиеся в центре города, «Ленконцерт», филармония, была и организация под названием «Цирк на сцене» (Большой государственный цирк на Фонтанке находился на территории другого района). Интересно, что и комсомольцы Ленинградского Дома самодеятельного творчества (как помним – биржа труда для режиссёров народных театров) тоже входил в сферу Серёгина влияния. Самой крупной организацией было Ленинградское телевидение и радио. Ленинградское телевидение находилось в Петроградском районе, но все комсомольцы были приписаны к Ленинградскому комитету по телевидению и радиовещанию, который располагался в Доме радио на улице Ракова (ныне улица Итальянская).

Несложно догадаться, с чего начал Серёга свою активную комсомольскую деятельность. Он побежал в сектор учёта, чтобы узнать, а сколько его любимых артисток (и артистов) состоит в комсомоле, так как достаточно хорошо был знаком с театральной жизнью Ленинграда. Несколько разочаровался, когда узнал, что Михаил Боярский уже вышел из комсомольского возраста, а любимая актриса, она же жена Боярского Лариса Луппиан именно в этом году по возрасту покидает комсомол. Не могу сказать, что это было чрезмерно тяжёлым разочарованием, но немного расстроило.

Оказалось, что среди театров самыми дисциплинированными организациями и самыми обаятельными руководителями комсомола были... все. Это немного противоречило тому, чем

его напутствовали коллеги: Надежда, Александр и Сергей. Конечно, в большинстве творческих организаций комсомольские секретари на своих постах оказались вынужденно, чаще по просьбе руководителей. Никто из них не стремился и не горел большим желанием строить карьеру в этой организации, они желали ролей в театре, по возможности главных и побольше. Отношение к молодёжной организации было примерно таким же, как и у Серёги: снисходительно-подозрительным, но большинство из них привыкли ответственно относиться к любому порученному делу, а потому первое знакомство с новым куратором в большинстве случаев проходило в уважительной атмосфере, но с некоторым напряжением.

Совсем не случайно первым театром, который посетил Серёга, был Театр имени Ленсовета. Возможно, в надежде увидеть там свою любимую актрису, а возможно, по причине того, что театр находился по соседству с райкомом. Там он и познакомился с двумя замечательными и обаятельными артистами. Комсомольскую организацию Театра имени Ленсовета возглавлял высокий артист с неординарной внешностью по имени Сергей, а его заместителем был невысокого роста артист, полноватый, несколько лысоватый и усатый Женя. Серёге показалось, что они нашли общий язык и понравились друг другу.

По жизни артист Сергей немного заикался и был весьма стеснительным парнем. В райкоме его очень любили и предлагали постоянно выступать на различного рода мероприятиях, которые назывались пленумами, конференциями и иными скучными именами. Наверное, это придавало статусности, с одной стороны, а с другой стороны, придавало живости самому скучному мероприятию. А артист Сергей этого совсем не любил, потому как одно дело, когда он учит свою роль в спектакле, а другое, когда он должен выучить текст, который ему давали для выступления на трибуне.

Перед очередным мероприятием артист Сергей неожиданно пришёл в райком, присел за стол и, традиционно заикаясь, спросил Серёгу, глядя в глаза умоляющим взглядом:

– Мне Надежда предложила выступить на каком-то вашем пленуме. Что мне там говорить?

– Что хочешь, то и говори, – сказал Серёга.

– Как это? Мне всегда твои предшественники писали выступление.

– А скажи просто, что нам надоело, когда нам пишут речи, и что райком должен больше уделять внимания не вносам и проблемам учёта, а продвижению творческой молодёжи, поддержке талантов.

– А так можно? У тебя же будут проблемы. Но это круто.

Серёга улыбнулся:

– Да ладно. Этим ты только поддержишь меня. Хочется немного оживить нашу организацию.

Так и получилось. Это искреннее и очень личное выступление заикающегося артиста Сергея (не будем скрывать, Серёга всё-таки ему немного помог) было принято значительно большими аплодисментами, чем его предыдущие выступления с заранее написанным текстом. А что главное для артиста? Правильно – аплодисменты. Что самое удивительное – Серёгу в райкоме похвалили за это выступление.

В самом любимом театре – Большом драматическом имени М. Горького – главным комсомольцем был Валера: высокий, фактурный артист с громким голосом, заведомо настроенный негативно по отношению к райкомовским чиновникам; а его заместителем был артист Юра, менее радикальный, с прекрасным чувством юмора, сочинявший песни и исполнявший их на гитаре при каждом удобном случае, и это было здорово. Валера через некоторое время перестал обличать и кричать на Серёгу как на комсомольского бюрократа, видимо, нашлись более интересные и полезные темы для разговора.

В уже ставшим родным ещё во времена студенческой жизни Театре имени Пушкина найти общий язык с артистом-секретарём Евгением было несложно. Всё-таки Серёга уже

знал многое о театре из того, чего и Евгений не знал. В Театре комедии комсомольским секретарём был артист Володя, игравший принцев в сказках. Он действительно был похож на принца своей безукоризненной внешностью. Его отличала необычайная скромность, интеллигентность, культура. Общаться с ним было одно удовольствие. Малый драматический театр на улице Рубинштейна был приписан к Ленинградской области, но комсомольская и партийная организация относились к Куйбышевскому району. Этот театр Серёга знал плохо, но благодаря комсомольскому секретарю Сергею и его заместителю Петру, кстати, одними из самых востребованных молодых артистов театра, Серёга за очень короткий период посетил почти все спектакли Малого драматического театра и влюбился в него на всю жизнь. Прекрасным товарищем оказался и Виктор, секретарь Театра имени Комиссаржевской, и Люба, ведущая актриса Театра музыкальной комедии... Можно вспомнить и Юрия из Театра кукол-марионеток, и очень жаль, если я кого-то забыл.

Так получилось, что, встречаясь с каждым из артистов-секретарей, Серёга говорил одну и ту же фразу: *«Я инструктор не совсем обычный, я так же отношусь к формализму в комсомоле, как и вы, и в комсомоле не люблю то же самое, что и вы не любите. У меня режиссёрское образование, поэтому разговаривать будем на одном языке. Я буду отстаивать ваши права, а ваша задача – помогать мне».*

Серёга не любил вызывать секретарей-артистов в райком и общаться с ними за своим столом. Во-первых, стол был маленьким, а во-вторых, в большом кабинете было много других столов и сотрудников. Он цинично пользовался своим служебным положением и встречался с ними либо до, либо после спектаклей. Но основным местом встреч с комсомольскими секретарями театров и их заместителями в основном служил Дом актёра Всесоюзного театрального общества (который также являлся организацией в компетенции Серёги). Этот дом находился на Невском проспекте совсем недалеко от здания райкома комсомола, и вечерами там собирались известные и не очень, молодые и не очень артисты и артистки. Серёге несложно было освоиться в этой творческой среде – он не носил пиджаков со значками, галстуков, у него были длинные волосы, а потому больше смахивал на какого-то неудавшегося и неизвестного артиста. От встреч в Доме актёра Серёга испытывал огромное удовлетворение. И встречи со своими комсомольцами по делам всегда разбавлялись хорошим кофе и другими напитками.

Но ещё большим удовольствием для Серёги было посещение ежегодных отчётно-выборных комсомольских собраний в творческих организациях, а особо – в театрах. Самым потрясающим было то, что участие в этих собраниях принимали директора, и, что очень важно, главные режиссёры, которые для Серёги являлись кумирами, а также ведущие артисты театров, которые волею случая были секретарями партийных организаций. Да что скрывать (!), и среди комсомолок-артисток в первую очередь были те, с кем Серёга мечтал познакомиться. Только за эти встречи Серёга был благодарен всем, кто оказал содействие в его трудоустройстве. Вспоминая с некоторой брезгливостью свои встречи с представителями райкома во время учёбы в институте, их надменные поучительные речи ни о чём, Серёга пытался сделать всё возможное, чтобы не быть на них похожим – и в одежде, и в манере говорить и общаться.

Без лирического отступления скажу: у Серёги был поставленный голос, он выступал без бумажки и избегал штампов, но самое главное, он уже был готов предложить реальное творческое дело для всех, о котором мы расскажем чуть позже.

Серёга принял для себя чёткое решение, что будет непосредственно участвовать во всех отчётно-выборных комсомольских собраниях всех организаций, находящихся у него в списке, даже если там всего пять комсомольцев. Именно там, на этих собраниях, и было заключено негласное соглашение: его дело как представителя райкома думать о том, чтобы сделать их жизнь интереснее, а их задача – помогать ему и себе.

Комсомольский актив основных ленинградских театров, филармонии, Ленконцерта, «Цирка на сцене» и других творческих организаций, наиболее сложных, с точки зрения Серё-

гих руководителей, чем мог помогать Серёге в решении дурацких организационных проблем, и в результате группа творческих организаций стала одной из самых дисциплинированных.

Комсомольские конференции в крупных организациях, таких как Ленконцерт или Комитет по телевидению и радиовещанию, были особым событием. В качестве главного представителя райкома там выступал второй секретарь Александр, и Серёга уже ничего не мог с этим поделать. Зачастую ему было стыдно, но он пытался реабилитировать райком на первом же заседании комитета комсомола в этих организациях.

Серёгу несколько не смущало то, что разговаривал с творческими комсомольцами на равных, не чувствуя себя инструктором, а сознавая себя соратником. Даже записал фразу: *«Если ты работаешь с творческими людьми, надо понимать, что это они с тобой работают»*.

Конец эпохи застоя... Да здравствует Король!

Казалось бы, я должен в этой части сделать лирическое отступление. Но начну я не с лирического отступления, а с некоторых исторических событий. 10 ноября 1982 года умер человек, которого все считали бессмертным – генеральный секретарь ЦК КПСС, а проще говоря, главный человек в СССР – Леонид Ильич Брежнев. Когда Брежнев стал правителем, Серёге было пять лет. А когда Брежнев умер, Серёга уже отработал в райкоме четыре месяца, и было ему двадцать три года. То есть представить кого-то другим главным человеком в стране было очень непросто. Казалось бы, уже повсюду ходили анекдоты про него, в которых высмеивалась забывчивость и плохая речь Леонида Ильича, высмеивалось то, что сегодня называется геронтократией. Но эти анекдоты были настолько безобидны, что даже товарищи этажом выше (напомню, там находился районный отдел Комитета государственной безопасности), не обращали внимания и откровенно посылали тех патристически настроенных агентов, которые желали поведать им о любителях политических анекдотов, так как они и сами их рассказывали. Поговаривают, что именно КГБ и распространял эти анекдоты, так как их непосредственный начальник Юрий Андропов весьма скептически относился к начальнику страны. НО! Это слухи. Брежнева было жалко по-человечески. И, несмотря на то, что всю эту эпоху называли потом периодом застоя, смерть его не радовала, а, скорее, напрягала. Что дальше? Кто теперь? Сталин или Хрущёв? Многие выступления партийных и комсомольских чиновников были написаны на многие месяцы, а то и на годы вперёд, где цитировали именно Брежнева. Кого цитировать надо будет сейчас? Представляете, сколько вопросов беспокоило партийных и комсомольских чиновников?

Непосредственно новость о смерти Брежнева Серёга встретил в баре напротив дворца Белосельских-Белозерских в одиночестве. Посетителей было немного, и реакция обслуживающего персонала была неопределённой. Они не сразу поняли – выключить им бравурную музыку и включить траурную или пусть себе Пугачёва поёт. Было ощущение, что их заботило наступление траурных дней: закроют заведение или только музыку запретят. Судьба страны их не очень волновала, но на всякий случай музыку выключили совсем, и наступила тишина. Серёга заведение покинул.

Церемонию похорон Брежнева смотрели в кабинете Надежды всем райкомом. У некоторых сотрудников было очень трагическое выражение лица, будто хоронили их родственника, наверное, они думали, что кто-то пошлёт фотографию их опечаленного лица в вышестоящую организацию или этажом выше. Но у большинства – безразличное с лёгкой человеческой тоской, так как церемония похорон сама по себе весьма печальна. Когда коллективом что-то смотришь, то, конечно, сентиментальность кого-то одного передаётся всему коллективу. Серёга помнит тот момент, когда у Кремлёвской стены опускали в могилу гроб генерального секретаря, и вдруг он, гроб, выпал из рук одного из держателей троса. В этот момент под траурную музыку Виктория Петровна, вдова Леонида Ильича, которую показывали крупным планом, зарыдала в голос. Одна из сотрудниц в слезах выскочила из кабинета, Надежда достала носовой платок, и лица сотрудников совершенно искренне стали печальными.

Через день все ответственные сотрудники собрались в кабинете Надежды. Было понятно, что новым главным начальником в стране станет Юрий Владимирович Андропов, который недавно был руководителем самой могущественной организации – Комитета государственной безопасности. Кому-то даже показалось, что он услышал доносившиеся с потолка звуки выражения радости, учитывая, что этажом выше находился отдел этой организации. Никто не решался комментировать смену власти в стране, хотя для всех это был первый случай в их жизни. Надежда призывала всех соблюдать спокойствие и ждать соответствующих сигнала-

лов сверху. Эти призывы Серёга воспринял как импульс к продолжению своей инициативной и немного экспрессивной деятельности.

Всё, что произносилось с высоких трибун после смерти генерального секретаря, нисколько не отличалось от того, что произносилось ранее, до смерти, в течение многих лет.

Лично Серёгу несколько шокировали мероприятия по увековечиванию памяти бывшего советского начальника. В город Брежнев был переименован город Набережные Челны, два района городов (Черёмушкинский район Москвы и Заводской район Днепропетровска) были переименованы в Брежневский; имя Брежнева было присвоено Звёздному городку (таким образом, его официальным названием стало Звёздный городок имени Л. И. Брежнева), производственным предприятиям: Оскольскому электрометаллургическому комбинату, ПО «Южный машиностроительный завод», Новороссийскому цементному комбинату, Волгодонскому производственному объединению атомного энергетического машиностроения, Нурекской ГЭС, сельскохозяйственным предприятиям – целинному совхозу Кустанайской области Казахской ССР и колхозу «Вяцаноуз» Оргеевского района Молдавской ССР. Имя Брежнева было присвоено морским судам: атомному ледоколу «Арктика», кораблю Военно-морского флота, морскому пассажирскому судну. Переименовывали улицы и площади в городах. Так и в родном Ленинграде имя Брежнева получила Красногвардейская площадь. ...И так далее, и так далее.

Это не умещалось в системе ценностей Серёги при понимании того, что Леонид Ильич и при жизни действительно любил награды и его парадный костюм всегда служил предметом анекдотов – чего стоили только пять звёзд Героев СССР и Героев труда СССР. Неужели те, кто принимал решения об увековечивании памяти, думали, что он их видит? Но, скорее всего, задачей было подчеркнуть трагичность всего случившегося. Поэтому дни траура, когда кругом – во всех магазинах и на площадях – были развешены портреты Леонида Ильича, больше подчёркивали единство властных структур и неизменность курса, который был настолько неопределённым, что спустя некоторое время эпоху Брежнева называли эпохой застоя, а большинству объектов, включая города, районы и предприятия, вернули их исторические названия.

Юрий Андропов с самого начала своей деятельности решил сделать свой курс более понятным – борьба с коррупцией, взяточничеством и различными извращениями советской эпохи. При этом неотъемлемой частью этой борьбы стала борьба за укрепление трудовой дисциплины ВЕЗДЕ. Он как бы обращался к народу: «Ребята, народ, я буду бороться за то, чтобы никто не воровал, чтобы чиновники были честными, но помогите мне! Давайте мобилизуемся, давайте укреплять дисциплину, работать, и мы станем жить лучше!» Ребятам (народу) нравились судебные процессы над неприкасаемыми партийными лидерами ряда союзных республик, руководителями Министерства внутренних дел, крупных ведомств... Всем казалось, что именно в этом и есть главная проблема.

Во многих домах стали появляться портреты Юрия Владимировича Андропова. При этом портретами нового вождя украшали стены и двери не по призыву партии, а по «зову сердца», искренне считая борьбу с коррупцией главной панацеей от всех проблем и гарантией счастливого будущего страны.

Серёга жил в своём «родительском доме» с мамой, бабушкой и братом Колей и любовался портретом Андропова почти каждый день. Мама разместила его на двери в свою комнату. Этот портрет она не снимала и после смерти Андропова. Он стал неотъемлемой частью двери.

О пользе комсомольских собраний, или За что Серёга больше всего признателен райкому

В своей книге «В поисках папы» я подробно рассказал историю о том, что же произошло такое в этот комсомольский период жизни Серёги и почему он до самой своей смерти будет признателен райкому комсомола. Именно в этот период жизни и именно в этой организации судьба Серёги изменилась коренным образом. И то, что Серёга решил не пропускать ни одного комсомольского собрания, также привело его к этому судьбоносному событию.

Коротко напомним, что Серёга пришёл в райком комсомола после армии, был юношей холостым, смазливый, до конца не преодолевшим в себе комплекс неполноценности. Казалось бы, он и не думал о том, как он будет устраивать свою личную жизнь. Странные ощущения: с одной стороны – хочется решить свою судьбу, убежать из родительского дома, а с другой – не хочется. Даже представить сложно, как можно жить с одной женщиной, которая всегда ходит, бродит вокруг тебя. Да и где она будет ходить и бродить, если он живёт в родительской квартире.

Женщин в комсомольском окружении Серёги было много. Очень много, как на библиотечном факультете его альма-матер. А как иначе, если в его сфере влияния была самая крупная библиотека, именовавшаяся Публичной имени Салтыкова-Щедрина, и Центральная городская библиотека имени Маяковского, а также любимый Музей истории религии и атеизма, издательства, включая огромный пятиэтажный дом на набережной Фонтанки, который назывался «Лениздат», в котором сидели молоденькие и талантливые комсомолки-журналистки из газеты «Смена» и других более взрослых газет. Что скрывать – в большинстве организаций, которые посещал Серёга во время комсомольских собраний, были женщины, а комсомольские активистки отличались умом, интеллектом и привлекательностью.

В театрах девушек-комсомолок было меньше, чем в других организациях, но Серёга в силу своего творческого образования интересовался именно молодыми актрисами в театрах. Зачем? Скорее в силу инерции или вспоминая постоянно о неудавшихся любовных опытах с талантливыми красавицами с телевидения или однокурсницей Наташей в институте. Теперь можно простить ему эту глупость, и не будем вспоминать актрис, на которых он положил глаз во время комсомольских собраний. Толку не было никакого. Разум брал верх, подсказывая, что жизнь с актрисой – это, очевидно, не его судьба.

В райкоме тоже было много миловидных и неглупых девушек. Но что-то мешало Серёге даже делать вид, что ему кто-то интересен, начинать заигрывать и тем более вступать в иные отношения. Так постепенно Серёга приходил к выводу, что жить ему холостяком всю свою жизнь.

Всё изменилось внезапно. Именно на комсомольском собрании и именно в Центральной библиотеке имени Маяковского он увидел королеву из своих сновидений, с которой совершенно неожиданно, как под гипнозом или под воздействием удара молнии, связал свою судьбу не раздумывая. В страхе упустить эту тонкую нить любви он приглашал девушку Олю, которая, к счастью, оказалась заместителем секретаря комсомольской организации библиотеки имени Маяковского, в райком по поводу и без повода, пользовался своим служебным положением, доставая билеты на фильмы международных фестивалей (билеты на фестивальные просмотры были в дефиците), так как кинотеатры района также были в сфере его влияния, не говоря уже о билетах в театры. Денег на хождение по ресторанам у Серёги не было, но, что самое поразительное, этого и не требовалось. Королева избегала дорогих, пафосно-неадекватных мест, более того, всегда предлагала оплатить счёт. При этом делала это так красиво и тактично, что Серёга иногда соглашался.

Немного забегаая вперёд, скажу, что через два месяца все в районе уже знали о предстоящем в феврале событии, которое именовалось бракосочетанием. Несколько райкомовских сотрудников, возможно, испытали разочарование, но большинство это известие восприняли с огромным воодушевлением: инструктор райкома женился на комсомольской активистке! Что может быть более креативным событием! Даже секретарь Александр смотрел на Серёгу с некоторым уважением – всё же одним мужчиной-конкурентом в борьбе за сердце Маши, начальницы сектора учёта, стало меньше (впрочем, это могут быть только Серёгины домыслы).

На регистрацию в обычный ЗАГС Калининский района пришли специально делегированные очень дорогие для Серёги представители райкома во главе с непосредственным Серёгиным начальником. Свидетелем со стороны Серёги стал товарищ по Ленинградской областной комсомольской школе Володя, с которым его связывали по-настоящему дружеские отношения. Вот она – реальная польза обучения!

В райкоме все понимали, что ожидать свадьбы в ресторане «Метрополь» не стоит, а потому скинулись, и Надежда накрыла прекрасный фуршет в своём кабинете для всех сотрудников и молодожёнов. Надежда также выделила для молодожёнов на весь день свою рабочую машину «Волга», значительно сократив свадебный бюджет.

Стоит ли после всего описанного говорить о смысле и результатах его работы в райкоме?

Дело комсомольцев-артистов выступать, а не взносы собирать

Личная жизнь влюблённого комсомольского юноши в последние месяцы года никак не остудила его рабочий пыл. Серёга продолжал бегать по комсомольским собраниям, встречаться с артистами, в том числе после спектаклей, и единственное отличие, что иногда делал это вместе с любимой, дополняющей его своей красотой и интеллектом. Более того, его энергия теперь была направлена не только на самореализацию, но и на желание совершить нечто, чтобы ещё больше возвыситься в глазах своей невесты. А потому желание что-то придумать, чтобы оправдать смысл своего существования на этом посту, Серёгу не покидало. Если в армии во время своего директорства музеем его инициатива была обусловлена исполнением приказов с максимальным удовлетворением собственных амбиций и творческого потенциала, то в данном случае особой творческой активности от него никто и не требовал. Несколько позже он придумал фразу, которая характеризовала его отношение к инициативности сотрудника: «Я вижу, что ты работаешь. Но надо же ещё что-то и делать!»

Каких-либо мероприятий с участием творческой молодёжи Серёга в переданных ему бумагах не находил.

«Как же так? – рассуждал он. – Столько артистов, столько талантливой молодёжи, и ничего не происходит!»

После череды собраний и дружеских встреч с комсомольцами-артистами Серёга предложил своим любимым комсомольским активистам: «А давайте мы с вами сделаем хороший концерт в Ленинградском Дворце молодёжи под названием „Творческая молодёжь Куйбышевского района – городу“. Это будет ваш бенефис!»

Кто бы возражал. Но это была чистая авантюра. Каждому говорил, что все остальные организации его поддерживали, не будучи в этом уверенным. Более того, он всем говорил, что начальство его поддерживает, но при этом с начальством он ещё не разговаривал. Он просто не знал, с кем надо сначала договариваться.

Так, получив поддержку своих друзей-комсомольцев, Серёга пришел к секретарю Надежде с предложением сделать концерт в одном из самых престижных залов во Дворце молодёжи, с которым он, естественно, тоже не разговаривал. Конечно, это была авантюра, но потрясающая! Секретарь Александр, будучи обиженным, что Серёга его игнорирует, возмущаясь, размахивал руками и твердил, что это невозможно. Но Серёга был настойчив и непреклонен.

– Ребята! – эмоционально восклицал Серёга, озаряя кабинет горящими от захватившей его идеи глазами. – Молодёжь лучших театров, Ленконцерта, филармонии, «Цирка на сцене»... А зрители – лучшие комсомольцы всех организаций района. Это праздник! Это поднимет авторитет района и нашего райкома! Это...

– Это авантюра... Ничего не получится, – пробурчал секретарь Александр.

Но Надежда и непосредственный начальник Серёги тёзка Сергей, видимо, тоже были авантюристами.

– Надежда, а что мы, действительно, думаем только о взносах? – сказал зав. орготделом Сергей. – Праздников не хватает. А здесь – такой стимул.

– Ты бы лучше думал о состоянии учёта в вверенных комсомольских организациях... – продолжал бурчать Александр, но уже на зав. орготделом.

– Так я об этом и думаю! Комсомол, Саша, это не только учёт и взносы. А молодым артистам надо помогать. Тогда и взносы будут платить лучше.

Серёга и так никогда не сомневался в здравости и адекватности своего непосредственного начальника, но в этот момент ему захотелось аплодировать. Значит, не так всё плохо в этом «комсомольском королевстве».

Александр остался в одиночестве, и благодаря смелости первого секретаря Надежды, которая откровенно опекала молодого авантюриста, и зав. орготделом Сергея идея была поддержана.

Теперь необходимо было реализовывать то, что придумано. Это всегда сложнее, но был большой стимул. И это уже имело почти личный характер. Необходимо было доказать откровенному комсомольскому бюрократу Александру, что комсомол – это не только взносы и что комсомольцы-артисты должны выступать, а не только взносы собирать. Таким образом, в том числе и для себя, показать, что смысл в этой комсомольской жизни – есть.

Все комсомольские активисты Серёгиной группы восприняли эту идею с огромным воодушевлением, которое трудно описать. Многие звонили и заходили к Серёге в райком, чтобы поделиться своими идеями. Никто и никогда не предлагал им, молодым артистам, участие в большом специальном концерте на одной из лучших площадок города. Договорились все вместе встретиться и начать подготовку.

Местом встречи стал кабинет первого секретаря райкома Надежды. Слух об этой инициативе распространился быстро среди всех комсомольцев творческих организаций, а потому на встречу пришли не только секретари комсомольских организаций, но и молодые специалисты, заражённые (простите за это слово) идеей создания творческого отчёта-концерта. Пришлось приносить стулья из других кабинетов, чтобы все могли чувствовать себя уютно. Главным режиссёром захотел стать молодой специалист Ленконцерта Лев Левинсон (эту фамилию я имею право указать), он же пригласил в качестве композитора шоу Злату Раздолину, которая написала песню «Здравствуй, зал!», и именно она стала гимном концерта.

Ко времени этого заседания Серёга уже сбегал в Ленинградский Дворец молодёжи, переговорил с директором Виталием Молотовым (спасибо ему большое!) и забронировал день – 20 декабря.

Началась тяжёлая работа, где Серёга выступил в качестве того, кого сегодня называют продюсером. Главное отличие от сегодняшних продюсеров заключалось в том, что не надо было писать смету. В то время Серёга не очень разбирался в деньгах и понятия не имел о том, что и кто сколько стоит. Возможно, трудно сегодня поверить в то, что почти всё было бесплатно. Дворец молодёжи выставил некий счёт, который Серёга даже не видел, Лев Левинсон написал список своих потребностей, среди которых главным расходом было приобретение фонариков, которые раздаются зрителям и включаются в самом конце концерта во время исполнения гимна «Здравствуй, зал!». Ни актёрам, ни режиссёру, ни композитору, ни сотрудникам Дворца молодёжи никаких денег не платилось. Представляете работу продюсера, когда не надо никому платить? Самая тяжёлая работа заключалась в распределении билетов между комсомольскими организациями. А это было сложно. Зал Ленинградского Дворца молодёжи был рассчитан на 1000 (с небольшим) мест. А комсомольцев – много. Напомню, что Куйбышевский район был центром сосредоточения торговли, научных учреждений и промышленных организаций, высших учебных заведений, не говоря уже об учреждениях культуры, которые требовали для себя особых привилегий, и Серёга без труда добился особого количества биле-тов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.